

УДК 811.512.1

СООТВЕТСТВИЕ «ЧУВАШСКОЕ *n*- ~ ТЮРКСКОЕ *b*-» И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ

© П. В. Желтов

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
Россия, Республика Чувашия, 428015 г. Чебоксары, Московский пр., 15.

Тел.: +7 (927) 855 48 73.

Email: chnk@mail.ru

В чувашском языке тюркскому анлаутному *b* [b] соответствует чувашское анлаутное *n* [p]: тюрк. *баиш* | *baŝ* ~ чув. *поç* | *poŝ*, 'голова', тюрк. *бол* | *bol* ~ чув. *пол* | *pol* 'быть', тюрк. *балық* | *baliq* ~ чув. *полă* | *polă* 'рыба', тюрк. *бар-* | *bar-* ~ чув. *пыр* | *pîr-* 'идти', тюрк. *бир* | *bir* ~ чув. *пёррĕ* | *pĕrrĕ* 'один' и т.п.

Б. А. Серебренников считал это явление результатом влияния марийского языка. Этой же точки зрения придерживался Р. Г. Ахметьянов.

Р. Г. Ахметьянов считал, что «предпологать, что болгарский *n*- в татарском при заимствовании слов переходил в *b*- не приходится: уже в древних тюркских языках хорошо различали *b* и *n*; в татарском издавна бытуют слова с начальным *n*: *паңгы* 'гриб' (из финно-угорских языков), *пәри* 'пери' (из перс.) и т.п.»

Однако нами доказано, что эти заимствования являются относительно поздними и найдены примеры, указывающие на то, что древнетатарский (времен Золотой Орды) язык, как и большинство кыпчакских языков, в тома числе современных – казахский и башкирский озвончивал иноязычные *n*-анлаутные заимствования, переводя их в *b*-анлаутное начало, и сами по себе они не могут свидетельствовать о таком начале в языке источнике.

Ключевые слова: чувашский консонантизм, тюркский консонантизм, тюркский консонантизм, татарский консонантизм, кыпчакский консонантизм.

В исследовании лексики как системы основополагающей становится мысль об обусловленности ее органическим единством языковых и внеязыковых факторов [1]. То же можно утверждать и о фонетике.

В чувашском языке тюркскому анлаутному *b* [b] соответствует чувашское анлаутное *n* [p]:

тюрк. *баиш* | *baŝ* ~ чув. *поç* | *poŝ*, 'голова', тюрк. *бол* | *bol* ~ чув. *пол* | *pol* 'быть', тюрк. *балық* | *baliq* ~ чув. *полă* | *polă* 'рыба', тюрк. *бар-* | *bar-* ~ чув. *пыр* | *pîr-* 'идти', тюрк. *бир* | *bir* ~ чув. *пёррĕ* | *pĕrrĕ* 'один' и т.п.

Это явление (соответствие чув. *n*- ~ тюрк. *b*-) является частным случаем «основного закона чувашского консонантизма», согласно которому «звонкое произношение шумных согласных немислимо в чувашском языке ни в абсолютном начале слова, ни в абсолютном конце» [1, с. 62].

Б. А. Серебренников считал это явление (переход общетюрк. *b*-[b] > чув. *n*-[p]) результатом влияния марийского языка: «От марийского языка чувашский язык приобрел характерную фонетическую особенность, выражающуюся в невозможности звонкого начала слова, ср. татарское *баиш* 'голова', но чувашское *пуç*, татарское *бар* 'есть' ('имеется'), но чувашское *пур*» [2], т.е. субстратным явлением [3, с. 43]. Этой же точки зрения придерживался Р. Г. Ахметьянов [4, с. 90].

Действительно, в марийском (как и в финском и эстонском языках) звонкие согласные (в том числе и *b*) в начале и в конце слова отсутствуют, а имеются лишь их глухие соответствия: «Для марийского и мордовского языков одинаково употребление звонких согласных в исконных словах. Звонкие согласные могут быть только в двух поло-

жениях: между гласными и после сонантов (имеющиеся отклонения по своему происхождению являются поздними), например, мар. *лудаш* 'читать', *шогаш* 'стоять', *шулдыр* 'крыло', *ломбо* 'черемуха', *онго* 'петля'; морд. *вид'э* 'прямой', *пизэ* 'гнездо', *ланго* 'поверхность', *вир'га* 'по лесу', *пандо* 'гора', *лембе* 'теплый'. В начале слова звонкие согласные, за исключением *v*, не могут быть, тогда как в пермских языках звонкие в данном положении развились уже в прапермский период» [5, с. 34].

«Употребление согласного *b* в большинстве диалектов марийского языка ранее было ограничено одним фонетическим положением – он встречался лишь после *m* в сочетании *mb*: *ломбо* 'черемуха', *комбо* 'гусь', *камбозаш* 'упасть', *умбак* 'далеко'.

В начальной позиции *b* в исконно марийских словах не встречается, а в иноязычных заимствованиях *b* заменялось согласными *n* или *v*, *m*: *пуйто* 'будто', *пурлак* 'бурлак', *перегаиш* 'беречь', *печке* 'бочка', горн. *паржы* 'баржа', горн. *полван* 'болван', горн. *путилкă* 'бутылка', *сапл'е* 'сабля', *мелна* 'блины' [5, с. 179].

Действительно, финно-волжские языки по этому признаку противопоставляются финно-пермским и угорским языкам.

В удмуртском языке *b*- присутствует как в исконных словах, так и в заимствованных, также как и *n*-, ср.

мар. *поро* ~ эрз. *паро* ~ фин. *paras* ~ коми бур 'добрый' ~ удм. *буро* 'с добром', удм. *пу* 'дерево', дрова' мар. *пу* в составе мар. л. *пушенге* 'дерево' ~ мар.г. *пушăнгă* (мар.л. *шенге* ~ мар.г. *шăнгă* 'хворост') ~ фин. *риш* 'дерево', удм. *барин* < рус. барин ~ мар. *варын* < рус. барин.

В мордовском языке русские заимствования, начинающиеся с *б-*, передаются двояко, то через *б-* как в удмуртском, ср. рус. *Баран* > морд. эрз. *боран* ~ морд. мокш. *баран* 'баран', то через *в-* как некоторые русские заимствования в марийском типа *варын* 'барин', *Ворис* < Борис, *вагаж* 'багаж', ср. морд. *вочко* 'кадка' < рус. *бочка*.

В чувашском языке все дореволюционные заимствования с *б-* передавались через *п-*, ср. рус. *бочка* → чув. *пичке* 'бочка', рус. *Борис* → чув. *Пурис*, рус. *бурлак* → чув. *пурлак* 'бурлак', рус. *баржа* → чув. *парша*, *парш*, *паршй* 'баржа', рус. *блин* → чув. *пёлём* 'блин'.

Субстратное марийское влияние на переход общетюрк. *б-* > чув. *п-* большинство исследователей обосновывает также тем, что в собственно болгарском языке (один из диалектов которого стал непосредственным предком чувашского языка) чув. *п-* соответствовал *б-*.

Последнее утверждение базируется на приводимых Р. Г. Ахметьяновым болгарских заимствованиях в казанско-татарском с анлаутным *б-* [4, с. 84], из которых наиболее убедительными на наш взгляд выглядят каз.-тат. *бăз* 'выкопанная яма' ~ чув. *посă*, *пусă* 'яма', 'колодец' (<чув. *пос-/ пус-* 'копать' + афф. - *ă*) – данное заимствование в татарский выделяется на основании характерного для чувашского и видимо свойственного и среднебулгарскому озвончения согласных в интервокальной позиции (чув. *посă* [poză]/ *пусă* [puză] с озвонченным *ç* [z] и с редуцированным *ă* (*ы*), которое в ре-

зультате ударения на первом слоге звучало столь кратко, что болгарский финальный кластер *-ză* в

татарском дал *-z(-z)*, собств. кыпчак. и тат. имеем *басу* 'яма' (от тат. *бас-* 'копать' + афф. *-у*);

каз.-тат. диал. *билек* [bilëk] 'пятый месяц' ~ чув. *пиллëк* [pillëk]

'пятъ' – ламбдаизм (собств. тат. *биш* 'пятъ' ~ тюрк. беш|beš 'пятъ' – *ɣ(z)* сигматизм);

каз.-тат. *бирән* 'обжора' ~ чув. *пыран* 'обжора', 'прожорливый' – ротацизм *ğ* (от чув. *пыр* 'горло' ~ тат. *бузас*/ 'горло' – кыпчак. *bozas* ~ тюрк. *boğaz*, *boğaz*, -зетацизм);

каз.-тат. *бăкра* 'плевелы' ~ чув. *покра*, *пукра* 'плевел', 'куколь' (сорное растение) – протеза (~общекып. *оқра* 'плевел' – Ø-звука).

Р. Г. Ахметьянов считал, что «предполагать, что болгарский *п-* в татарском при заимствовании слов переходил в *б-* не приходится: уже в древних тюркских языках четко различали *б* и *п*; в татарском издавна бытуют слова с начальным *п*: *паңгы* 'гриб' (из финно-угорских языков), *пәри* 'пери' (из перс.) и т.п.» [4, с. 84].

В общем, Р. Г. Ахметьянов считал, вполне возможно, что в среднебулгарском (т.е. с середины XIII в. согласно классификации автора, см. [4, с. 8]) в начальной позиции *п* и *б* не различались, но чаще произносился звук *б*, о чем говорят и среднебулгарские заимствования в татарском [4, с. 84], приведенные выше.

Заметим, что в тюркском языке с развитым сингармонизмом само по себе неразличение *п-* и *б-* в рамках одного диалекта или говора вряд ли возможно, а под влиянием марийского субстрата возможно лишь оглушение *б-* в *п-*. Однако, Р. Г. Ахметьянов считает, что звуковой строй болгарского языка был, по всей вероятности, весьма неустойчивым, особенно в районе маргинальных контактов с финно-угорскими и кыпчакскими языками [4, с. 85], т.е. при одновременном влиянии на один диалект или даже говор болгарского языка марийского и кыпчакского языков, первый из которых оглушал болгарское *б-*, а второй – сохранял такое явление вполне возможно.

По поводу различения в древнетатарском как и в современном татарском языке *п-* и *б-* вроде бы есть основания соглашаться с Р. Г. Ахметьяновым.

Действительно, татарский язык (как в казанско-татарском, так и в мишарском) содержит ряд заимствований из чувашского и восточно-тюркских языков (в которых, как и в чувашском общетюрк. *б-* перешло в *п-*), в которых *п-* сохраняется, ср. мишар. *путемар* 'перевязь через плечо', 'амулет' из чув. *пү тумарё* 'нателный амулет' (собств. тат. было бы *буй тумары* или *буйтумар* > *бутумар*, ср. кыпчак *бой* 'тело', 'туловище' ~ тат. *буй* idem ~ чув. *пү*, *пёв* idem и тюрк. *тумар* 'амулет' ← арабо-перс.), которое имеется и в кыпчакских языках, например, в казахском); тат. (диал.) /пёчкә/ 'свекровь', 'тетя', /пёчкәчә/ 'сестра мужа' (распространенные термины) ~ хак. /тиж'е/ 'сестра' (старшая), 'вежливое обращение к женщине старше говорящего'.

С другой стороны, в древнетатарском имела место тенденция перехода *п-* в *б-* в заимствованных словах, ср. тат. *бахър*, каз.-тат. *бăхър* 'бедняжка' из араб. *факір* /fakīr(un)/ 'бедняк' (тат. /фақыр/), которое могло получиться лишь через стадию *ф->п->б-*, которая судя по интервокальному *-х-* является заимствованием из куманского (половецкого) или из болгарского (среднебулгарского или древнечувашского) в которых *-q->х-* (~чув. диал. *паххър* 'бедняжка'). При этом чув. *паххър* само является обратным заимствованием из татарского, что однако не меняет суть явления.

Весьма возможно, что в раннесреднебулгарском, как и в казахском, каракалпакском, и даже в некоторых среднеазиатских тюркских языках (например, в туркменском) иноязычное *ф* переходило в *п*, а не в *хв* и *х* как в современном чувашском.

Кажущееся противоречие относительно передачи анлаутного *п-* в древнетатарском легко разрешается если принять во внимание ряд исторических фактов относительно развития казанско-татарского языка в частности и поволжско-татарского языка (включая мишарско-татарский) вообще.

А именно: мишары вступили в тесные отношения с чувашами не так уж и давно, а лишь после XVI в., т.е. после взятия Казани, а если быть еще более точным, то в начале XVII в., после начала сооружения засечной черты и массового переселения служилых татар-мишарей с запада на восток.

Поэтому чувашские заимствования в мишарском, сохраняющие чувашское анлаутное *n-*, типа *путемар*, являются относительно поздним и не отражают древний период развития татарского языка.

До XVII в. татары-мишары уже подвергались определенному влиянию русских, мордвы и мещеры, в языке которых широко распространено анлаутное *n-*, т.е. научились его воспринимать, чему подтверждение оглушение *б-* в *n-*, наблюдающееся в касимовском говоре.

Относительно тат. диал. *печкэ* /*пёчкэ*/ 'све-кровь', 'тётя', являющееся диалектным словом казанского ареала (среднего диалекта), и имеющим параллели в сибирско-татарском и хакасском языках (~ хакас. *пиж'е* 'сестра' (старшая), 'вежливое обращение к женщине старше говорящего'), следует заметить, что оно вероятнее всего проникло в поволжско-татарский из сибирско-татарского вместе с сибирско-татарскими переселенцами в эпоху Казанского ханства, когда наблюдалась консолидация татарского этноса из разных регионов бывшей империи Чингизидов (Крыма, Астрахани, Средней Азии и Сибири) вокруг этого нового государственного образования, приглашавшего на службу татар, кыпчаков и тюрок из различных регионов бывшей Золотой Орды.

Следует также отметить, что хакасы – условное обобщающее название (от кит. *хагиас* – название в китайских хрониках племени, жившего в древности на той же территории) тюркских племен региона (в числе которых самое большое количество составляют *шорцы*), принятое после 1917 г., и шорцы, и хакасы до сих пор свой язык называют не хакасским и не шорским, а татарским и говорить по-хакасски или по-шорски будет *tatarlap* т.е. 'по-татарски' (говорить), а не *xagasláp* 'по-хакасски' или *šorlap* 'по-шорски'.

Т.е. в золотоордынскую эпоху языком тюркоязычного воинства и межплеменного общения империи Чингизидов был татарский, представленный двумя основными диалектами – западным, от которого происходит современный поволжско-татарский, и восточным, от которого происходит сибирско-татарский и который повлиял на язык и тюркских народов Хакасии, но и сам подвергся определенному влиянию тюркских языков Сибири (чулымско-тюркскому).

При этом западный в свою очередь делился на северо-западный или поволжский, границы распространения которого включали Поволжье (а в пост-золотоордынское время распространились далеко на Запад, до Белоруссии, Литвы и Польши), Крым и Причерноморье и южный или среднеазиатский.

Продолжением первого является поволжско-татарский язык, а продолжением второго – язык чепецких татар, имеющий значительные нарушения сингармонизма, имеющие параллели в узбекском языке.

В восточном диалекте древнетатарского языка произошло оглушение *б->n-*, а в западном, наоборот, исконное *б-* не только сохранилось, но и иноязычные *ф-* и *n-*, как и в казахском, переходили в *б-*.

Это явление (переход иноязычных *ф-* и *n-* в *б-*) хорошо сохранилось в старой исторической лексике чепецко-татарского языка, который, как уже указывалось выше, представляет собой вопреки мнению татарских диалектологов вовсе не говор среднего диалекта (т.н. казанско-татарского языка) и даже не диалект поволжско-татарского языка, а западный диалект древнетатарского (золотоордынско-татарского) языка, южную его ветвь, и был распространен на территории Средней Азии и Нижнего Поволжья. Ср. также каз.-тат. *фал* 'гадание', но турк. *пал*, ккал. *пал*, каз. *бал* 'гадание'.

Мишар.-тат. *паңгы* 'гриб', приводимое Р. Г. Ахметьяновым в качестве доказательства корректного отражения в татарском языке *n-*анлаутных иноязычных заимствований с давних пор, не убедительно, т.к. представляет сравнительно позднее (после XVII в.) заимствование из мордовского (← морд. *панга*, *панго* 'гриб').

То же касается и слова *пэри* 'пери', 'фея', проникшего в казанско-татарский книжным путем.

Так, в чепецко-татарском арабское мусульманское слово *фатиха* /*fāṭiḥa*/ букв. 'открытие' ('первая сура Корана') вошло в язык как *бата* 'эпитафия', 'поминальная надпись', ср. турк. *нама|пата* 'благословение' ~ каз.-тат. *фатиха* 'благословение'.

Логично предположить, что арабо-персидские заимствования, в которых в казахском и казанско-татарском имеем анлаутное *б-* на месте исходного *ф-*, являются заимствованиями более древнего периода, причем попавшими в эти языки не напрямую через письменный язык и религиозные тексты, а опосредованно – через среднеазиатско-тюркский (хорезмийско-тюркский, близкий по лексике к древнетуркменскому и старотуркменскому) разговорным путем.

К таковым словам относятся каз.-тат. *бахыр* 'бедняга', чепецко-татарское *бата* 'благословение' в противоположность более поздним «книжным» проникновениям, таким как каз.-тат. /*фақыр*/ 'бедняк', каз.-тат. *фатиха* 'благословение'.

Таким образом, есть все основания, указывающие на то, что древнетатарский (времен Золотой Орды) язык, как и большинство кыпчакских языков, озвончивал иноязычные *n-*анлаутные заимствования, переводя их в *б-*анлаутное начало, и сами по себе они не могут свидетельствовать о таковом начале в языке источнике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров В. Г. Введение в изучение чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1930. 230 с.
2. Серебrenников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1957. С. 28–47.
3. Серебrenников Б. А. Проблема субстрата // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. М.: Наука, 1956. С. 147–156.
4. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М.: Наука, 1978. 247 с.
5. Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола: Марийское государственное издательство, 1965. 224 с.

Поступила в редакцию 18.08.2014 г.

THE CORRESPONDENCE OF CHUVASH P- ~ TURKIC B- AND ITS ORIGIN

© P. V. Zheltov

*I. N. Ulyanov Chuvash State University
15 Moscow Ave., 428015, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia.*

Email: chnk@mail.ru

The origin of the correspondence of Chuvash p ~ and Turkic b is analyzed in the article. This phenomena is a well known fact, compare, for example, Chuvash poś/puś 'head' ~ Turkic baš, Chuvash pol/pul 'to be' ~ Turkic bol-, Chuvash polă/pulă 'fish' ~ Turkic baliq, Chuvash por/pur 'there is' ~ Turkic bar etc., and is part of Chuvash consonantism. There are different opinions concerning its origin: B. A. Serebrennikov and R. G. Akhmetyanov thought it to be caused by Mari substratum, as there are no voiced initials in Mari language. Therefore, to prove that the aforesaid is true, one must prove that Volga Bulgar language had originally no initial p- but only b-. And the initial p- appeared afterwards on the territory of Chuvashia, where the Bulgars contacted closely Mari people, who have settled there before them. This fact by the opinion of R. G. Akhmetyanov can be proved by the analysis of the Bulgar loan-words in the Kazan Tatar, which all are old ones, before 15th century and among which there are no p-words, but only b-words. But we have proved in the article, that ancient Tatar, as well as Khazakh and Bashkir up to day did not accept (apart a few Turkic p-initial words like pis- 'to cook' and some words of omatopoetic origin) initial p- and turned it into b-. It turned it as well as the initial f- in Persian and Arabic words through the p-stage into b-. The dialect that preserved this feature up to day is the Nukhrat-Karino dialect of the Tatar language in northern Udmurtia.

Keywords: *Chuvash consonantism, Turkic consonantism, Kipchak consonantism, Tatar consonantism.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Egorov V. G. Vvedenie v izuchenie chuvashskogo yazyka [An Introduction to the Study of the Chuvash Language]. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930.
2. Serebrennikov B. A. O proiskhozhdenii chuvashskogo naroda. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. Pp. 28–47.
3. Serebrennikov B. A. Doklady i soobshcheniya IYa AN SSSR. Moscow: Nauka, 1956. Pp. 147–156.
4. Akhmet'yanov R. G. Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov [Comparative Study of the Tatar and Chuvash Languages]. Moscow: Nauka, 1978.
5. Gruzov L. P. Fonetika dialektov mariiskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii [Phonetics of Dialects of the Mari Language in Historical Interpretation]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1965.

Received 18.08.2014.